

1994 г.

А.В. ДМИТРИЕВ

ЖУРНАЛУ «СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ» ДВАДЦАТЬ ЛЕТ

Двадцать! А давно ли отечественные социологи мечтали о создании своего журнала, спорили, уговаривали «инстанции», доказывали и отстаивали право на существование социологии в качестве самостоятельной научной дисциплины?

Прошло то время!

Теперь уже ни у кого не вызывает сомнения правомочность социологии, ее предмета, принципов и методов исследования. Сложилось устойчивое отечественное социологическое сообщество, действуют академические институты, множество факультетов университетов и других учебных центров готовят молодых специалистов, осуществляют переподготовку кадров, способствуют повышению их квалификации. Различные социологические службы изучают общественное мнение, пытаются дать объективную картину современного состояния российского общества, и практически никто им в этом не препятствует: были бы, как говорится, желание и средства. Казалось бы, в таких условиях роль и влияние социологии на развитие общественных процессов, принятие решений, обеспечивающих их успешное и целенаправленное течение, должны неизмеримо возрасти, а сама она получить мощный импульс к внутреннему поступательному движению и росту. Ведь к этому столь упорно стремились...

Однако современное состояние социологии, как ни странно, свидетельствует, скорее, о противоположном. Нынешняя теоретическая социология и практикующие социологи пользуются в своей деятельности преимущественно теми наработками, которые получены в годы, считавшиеся неблагоприятными для ее развития по причине господства моноидеологии, засилья догматизма, партийного прессинга. Остается фактом: хотя и нелегко это было, но отечественная социология возродилась именно в 50—60-е годы.

Возродилась и смогла вопреки номенклатурно-бюрократическому противодействию занять вполне достойное место среди других общественно-политических наук. И то обстоятельство, что наши общественные науки развивались главным образом на основе вульгаризированного понимания и интерпретации марксизма-ленинизма, не только не умаляет, но, напротив, делает борьбу социологии за свое право на существование особенно значимой. Ибо с самого начала своего возрождения она прославилась стремлением найти облик, отличный от того, который предписывался ей официальной идеологией. История этого восхождения наглядно представлена на страницах нашего журнала. Он сам принадлежит к значительным научно-документальным свидетельствам социологического ренессанса.

Один из самых активных основателей журнала Анатолий Георгиевич Харчев не узнал бы его сегодня. Новые рубрики, отсутствие государственной и партийной цензуры, увеличение числа авторов из российской глубинки, возрастание периодичности с четырех номеров в 1974 г. до двенадцати в 1994 г. — можно ли желать большего?

Читатель, как правило, редко видит эти перемены. Он настолько к ним привык, что не замечает самого процесса — процесса перехода к изложению различных, часто противоположных взглядов. Разумеется, редколлегия и редакция исподволь организуют этот процесс, но цель «оркестровки» одна — беспристрастное освещение проблем и фактов, не искаженное личными мнениями авторов и редакторов.

Все двадцать лет своего существования журнал неуклонно стремился отражать даже малейшие подвижки социологической мысли, ее творческие устремления к научной истине. Журнал сложился в качестве центра притяжения творческих сил

обществоведов — как зрелых, умудренных опытом, авторитетных, так и начинающих, молодых. Для многих из них он стал одновременно школой и научной трибуной, важным средством коммуникации ученых многих стран ближнего и дальнего зарубежья. «Социс» читается и изучается более чем в тридцати странах мира.

Немало было сделано редколлекцией и сотрудниками журнала вместе со своими коллегами-обществоведами, чтобы поставить социологию на научную почву. Сколько сил и энергии потрачено для обеспечения ей права на свой собственный предмет исследований, отличный от философии истории и особенно от исторического материализма, сколько научных и идеологических копий переломано! Казалось, стоит только отвоевать право на научную самостоятельность и социологи дадут политикам, общественным деятелям (и не только им) теории, программы, рекомендации, вооружат их всем необходимым для разумного решения общественных проблем, торжества гуманного отношения к человеку. Увы! Действительность оказалась более сложной и суровой. Практика реального социально-политического действия устроила продукции отечественных социологов нелюбимую проверку.

События последних лет внезапно взломали структуру еще недавно казавшегося прочным советского общества. Моноидеологическая доктрина, эффективно культивировавшаяся управленческой элитой на протяжении семи с лишним десятилетий, была с удивительной легкостью отвергнута. Это повлекло за собой мощную волну критики в ее адрес, громко зазвучали голоса ниспровергателей, почувствовавших возможность все переиначить. Те же люди, что пели ей совсем еще недавно хвалу, сегодня с завидной легкостью и самоуверенностью провозглашают вчерашнему кумиру анафему. Оправдание этому приводится простое: вчера, мол, заблуждались, а сегодня прозрели! Продвинулись еще на один шаг в науке и внезапно поняли, что сегодня лучше, чем вчера. Слабая аргументация и не менее слабая социология, которая, в одночасье лишившись своего моноидеологического ядра, не может мобилизовать собственно научно-теоретический и методологический потенциал беспристрастного анализа и осмысления происходящего.

А реальность такова, что вчерашняя суперидеология оставила весьма тяжелое наследие. Какой бы абсурдной она сейчас ни выставлялась, но нельзя серьезному исследователю, ученому-профессионалу игнорировать того обстоятельства, что эта идеология способствовала утверждению не только на уровне обыденного сознания, но и в кругах значительной части интеллигенции, представлений о магистральном пути движения к социализму и коммунизму всего человечества, мессианской роли страны «победившего социализма» и многом другом в том же духе, во что искренне, полуискренне, скептически и саркастически верили и не верили те, на кого действие этой идеологии было направлено. Здание социализма, несмотря на многие его несовершенства, недоработки, издержки, неизбежные при строительстве по новым и неосвоенным социальной практикой технологиям, долгие годы оставалось домом нашего общего бытия, а потому многим обществоведам представлялось достаточно стройной и прочной конструкцией. Естественным казалось говорить о его доработке, частичной перестройке, реконструкции, о всем том, что называли социализмом с человеческим лицом, что проектировали не только партийно-номенклатурные деятели, но и ученые, в том числе наши социологи. Идея саморазрушения советской социалистической системы казалась невероятной. И тем не менее, наша отечественная история пошла именно по этому пути, загадав обществоведам весьма непростую загадку.

Почему это произошло?

Думается, что получить более или менее убедительный ответ на данный вопрос желали бы многие наши современники — профессиональные ученые, политики, простые граждане — как в России, так и за ее пределами. Безусловно, такие ответы настойчиво ищутся. (И наш журнал в этом активно участвует.) Уже сейчас диапазон их весьма разнообразен, но в основе своей они сводятся к нескольким парадигмальным

утверждениям. Наиболее распространенное из них: прогрессивный цивилизованный Запад одержал победу над варварским Востоком; общечеловеческое возобладало над классовым, духовное над бездуховным, свобода над рабством, демократия над тоталитаризмом. Другая линия носит диаметрально противоположный характер: контрреволюция победила революцию, сытые одержали верх над голодными, преступники и предатели народных интересов — над честными патриотами и бескорыстными строителями бесклассового общества. Третья склонна полагать, что главной причиной стала растерянность профессионалов, вызванная неурядицами перестройки, которой ловко воспользовались дилетанты-непрофессионалы, овладевшие властью на волне популистской демагогии и теперь не знающие, как ею разумно пользоваться: государство — механизм сложный и хрупкий, в неловких и неумелых руках он может стать источником многих социальных и политических бед.

Нетрудно заметить, что существо приведенных вариантов ответов определяется главным образом политическими симпатиями или антипатиями их авторов. Более того, именно в них отражается политическая ситуация, расстановка политических сил на определенном момент отечественной истории. Но, как известно, один политический по своей сути ответ стоит другого такого же, а потому человеку, стремящемуся к объективной оценке случившегося, к истине, полагаться на них не приходится. Их субъективизм очевиден. Профессиональному социологу понятно, что такие ответы предопределены социальными интересами личностей и групп, позиции которых они выражают. Однако вспомним, что социолог, изучающий социальную динамику, сам является членом общества, ангажированным в ту или иную социальную группу. Поэтому перед ним в современных непростых социально-политических условиях встает в полный рост серьезнейшая нравственная проблема. Это проблема выбора между профессиональной добросовестностью, требующей поиска истины, и социальной принадлежностью, побуждающей к интерпретации истины с позиций определенного социально-группового интереса.

Это — старая, как мир, проблема, которая с завидным постоянством становится актуальной, как только где-нибудь назревают серьезные социально-политические изменения, влекущие за собой необходимость их изучения и оценки. Это, кроме того, серьезная социологическая проблема, которая, к сожалению, в наших условиях все еще остается без приемлемого ответа.

В силу усиленно культивированного в последние два—три столетия во всем цивилизованном мире авторитета науки в массовом общественном сознании достаточно прочно укоренилось представление, что изучение социального или природного явления может вестись преимущественно научными средствами. Там, где есть наука, есть исследование, а где есть исследование — там обязательно наука. Однако такое видение проблемы характерно преимущественно для массового сознания, не искушенного в тонкостях гносеологии и методологии. Для специалистов же — социологов, политологов, философов — давно не секрет, что не каждое изучение является научным и не каждый научный ответ дает объективное, т.е. адекватное отображение изучаемого предмета или явления. С большой долей справедливости можно сказать, что не все, склонные к изучению, делают это строгими научными средствами, и не все ученые (а среди них, что особенно нам прискорбно, и социологи) стремятся к выяснению истины. Как же много появилось в последнее время всевозможных фирм и служб, которые непрочь заработать на модной ныне науке, не заботясь не только о научной истине, но и об элементарной порядочности при проведении многочисленных политизированных опросов! Авторитет науки, сформировавшийся в противоборстве с тоталитарной идеологией, становится разменной картой в игре политиков, в манипуляции общественным мнением, его дезориентации. Чего стоят одни лишь прогнозы относительно недавних выборов в Федеральное Собрание Российской Федерации! А это ведь малая часть (хотя и весьма симптоматичная) деятельности коммерциализированной социологии, работающей по принципу «чего изволите»?

Все говорит о том, что российские общественные науки, а вместе с ними социо-

логия, в очередной раз оказались в трагикомической ситуации, которую можно оценить как расплату за совсем еще недавно сильную и одностороннюю приверженность отечественного обществоведения (несмотря на его легкое фрондирование) официальной общественно-политической доктрине, проводившейся и поддерживавшейся государством.

В литературе последних лет появилось немало публикаций, в которых предпринимались попытки описать и оценить ситуацию, при которой государство выступает монополистом не только на орудия и средства производства, землю, недра, но и на науку, образование, а самое главное — на идеологию. Нравится или не нравится это политическим партиям, политическим лидерам, обществу и отдельным его гражданам, но возникшее на эксплуатации основных принципов и положений теоретического марксизма советское государство на протяжении семидесяти с лишним лет создало весьма монолитную и эффективную систему укоренения моноидеологии политическими, экономическими, образовательными и культурно-научными средствами. И в данном случае не столько важно выяснить моральную ценность советской системы (хорошая она была или плохая), сколько подчеркнуть ее определенную эффективность.

Испытав массу серьезных ударов, нанесенных ей политиками сверху, в нижних своих звеньях система продолжает сопротивляться, давая рецидивы, во многом обусловленные глубокой укорененностью в менталитете, особенно старших и средних поколений, идеологических стереотипов недавнего прошлого. Среди них наиболее значимым оказывается неприятие насильственной ломки сложившегося жизненного уклада и образа жизни.

Конечно, десятилетие перестройки и реформ принесло серьезные изменения, затронувшие все сферы жизни российского общества. Это бесспорно. Однако настойчивые попытки властей повернуть страну к капитализму не только находят энтузиастов, но и встречают серьезное сопротивление как в активной форме (забастовки, демонстрации, октябрь 1993 г., голосование против политики шоковой терапии), так и в пассивной — массового энтузиазма по поводу ускоренной капитализации страны снизу не наблюдается. Ибо хотя и заметными стали в последние годы потоки колясочников-мешочников, однако, в такой крупной по размерам стране, как Россия, они «погоды не делают». И безосновательны в этой связи попытки представить их в качестве основы рождающегося среднего класса. Безосновательны потому, что средний класс, по определению, основа стабильности и благосостояния общества. Наши же предприниматели выполняют в основе своей иную функцию: не столько трудолюбивые муравьи, сколько прожорливые термиты, они заполняют образовавшийся в результате спада производства экономический вакуум, подтачивают и проедают ствол дерева — страны, в которой живут.

Выдавать эту деятельность за прогрессирующее предпринимательство с научной и практической точек зрения по меньшей мере неосновательно, однако политически — выгодно. С последним приходится встречаться довольно часто. Особенно склонны к этому отечественные электронные средства массовой информации, которые при растущей дороговизне газет и журналов ведут идеологическую обработку массового сознания в духе ставшего в нашей стране традиционным удобного правительственным кругам конформизма.

Что же касается производственной сферы российского общества, его науки, культуры и образования, то они переживают признаваемый всеми здравомыслящими людьми кризис. Спад производства по сравнению с 1989 г. составил в 1993 г. 45—47% (по оценкам экспертов Российского союза промышленников и предпринимателей). Реальные доходы преобладающей части населения, непосредственно участвующего в создании материальных и духовных ценностей, упали в 5—6 раз по сравнению с тем же периодом. Идет интенсивное неконтролируемое расслоение общества на бедных и богатых. Молодежь теряет интерес к получению среднего и высшего образования. Культура, искусство становятся непозволительной роскошью для нищающего россий-

ского населения. На смену политической цензуре советского тоталитарного общества пришла цензура экономическая, сделавшая почти недоступными для простых смертных газеты, журналы (особенно толстые), книги, театр, концертные залы, многое другое, без чего не может нормально функционировать цивилизованное общество, а тем более складываться и развиваться общество гражданское и правовое.

Наш журнал считает своим долгом по отношению к российской науке и культуре поднимать и ставить эти вопросы перед отечественной интеллигенцией, привлекать к ним внимание общественности, инициировать их теоретическую проработку, искать рациональные пути выхода из сложившейся непростой общественно-политической ситуации.

Нас могут спросить: а так ли уж страшны те издержки и потери в уровне жизни большинства общества, если речь идет о переходе от тоталитаризма к демократии, от рабства к свободе, от экономической нищеты к процветанию?

Для кого как. Для спекулянта, делающего состояние из воздуха и за бесценок скупающего общенациональное состояние, — благодать. Для рабочего, научного работника, преподавателя, получающего заработную плату ниже официального уровня бедности, — бедствие, слезы. Для чиновника, перед которым открылась уникальная возможность бесконтрольно распоряжаться все еще значительной государственной собственностью, — свобода. Для рядового гражданина, вынужденного давать взятки ради решения элементарных бытовых вопросов, — фактическое унижение и рабство. Здесь есть, что изучать социологу: и измерять, и обобщать.

И для понимания этих процессов вовсе не обязательно быть демократом, марксистом, социал-демократом или большевиком. Достаточно классического социологического знания относительного характера социальных ценностей. Как бы это ни казалось обидным человеку с улицы, но абсолютного равенства в природе не существует. Точно также не дано человеку освободиться от тех природных и социальных отношений, в которые он включается фактом и актом своего рождения. Проявления свободы, как и несвободы, не только не исключает, но даже предполагает его порабощение иными социально-политическими силами. Что мы и наблюдаем в России, и о чем пока еще молчит освобожденная от цензуры социология.

В российском обществе с падением представительной советской власти на смену недавней партийно-номенклатурной диктатуре пришла диктатура новой государственной бюрократии. Государственный аппарат, чиновничество, исполнительная власть практически бесконтрольно ведут экономические, финансовые и политические дела в государстве, занимая круговую оборону по отношению к закономерным и правомерным претензиям других групп и граждан на свою долю общенациональной собственности.

Обсуждение же социальных проблем, часто само по себе достаточно отвлеченное, сплошь и рядом подменяется бесплодным выяснением политических пристрастий авторов. Критики слева порицают консервативный уклон журнала, и столь же настойчиво консерваторы упрекают его в либеральных наклонностях. Сама же редакция отстаивает ту точку зрения, что освещение ею проблем сбалансировано и что замечания с двух сторон являются доказательством нейтральности ее позиции. Ведь какие бы масштабные и эпохальные взгляды ни излагались в статьях авторов, они никогда не будут абсолютно истинными и исчерпывающими. Существуют значительные расхождения и противоречия даже по отдельным теоретическим вопросам внутри любой идеологической ориентации. Поэтому дебаты, например, о предмете социологии, проведенные редакцией в 1991—1992 гг., как и следовало ожидать привели к очередным повторам взглядов, выраженных два десятилетия назад, т.е. оказались в тупике.

Для читателей же «Социса», судя по их письмам, главная ценность заключается не в самих политических взглядах авторов, а в объеме и качестве информации о социальных проблемах российского общества, а также в подаче достаточного для непрофессионала научно-методического материала. В возможной кооперации со

специализированными сборниками Института социально-политических исследований, Института социологии РАН, журналами, которые они стали выпускать («Социальный конфликт», «ММММ», «Вопросы социологии»), эти пожелания могут быть в какой-то мере удовлетворены.

Однако финансовые и другие — чисто «внутренние» — трудности всех этих журналов будут явно восстанавливать потенциального читателя против них. Пишу эти грустные неюбилейные строки под впечатлением сметы, полученной от издательства «Наука». За первые три месяца этого года убыток составил 17962,5 тыс. руб. Причем заметен парадокс: чем больше тираж, тем больше убыток. Поэтому вот уже без малого два года мы отказываемся от попыток добиться права продажи журнала в розницу, а также от его рекламы. В этой связи читателю, видимо, небезынтересно узнать, что расходы по издательству берет на себя Российская Академия наук. И это вполне естественно, такая практика поддержки научных журналов существует во всем мире. Жаль только, что сама Академия переживает беспрецедентные со дня своего основания финансовые трудности, что не может не сказаться на стабильности работы коллектива редакции.

Но, кажется, сетования главного редактора в юбилейном году мало кого удивят — многим сейчас трудно. Никого не удовлетворяют ни сегодняшнее состояние социологии, ни результаты, которых мы добились. Если мы хотим видеть положение более соответствующим нашим интересам, нам нужно больше нормальных научных сотрудников и меньше одержимых манией коммерции социологических дельцов. Ведь именно с работающих старших и младших научных сотрудников вообще началась нынешняя российская *социология*. Она *ими* и будет с успехом продолжаться.